

Л.А. Трахтенберг

**И.А. КРЫЛОВ И Ж. де ЛАФОНТЕН:
ДИНАМИКА РЕЦЕПЦИИ**

Аннотация. В статье проводится сопоставительный анализ басен И.А. Крылова и их источников в творчестве Ж. де Лафонтена. Восприятие Крыловым наследия французского поэта исследуется в двух аспектах: структурном и историческом. Показано, во-первых, как сюжеты Лафонтена трансформируются в творчестве Крылова, и во-вторых – как меняется со временем подход Крылова к интерпретации творчества Лафонтена. Эти изменения связываются со становлением репутации Крылова-баснописца в контексте развития русской литературы.

Ключевые слова: И.А. Крылов; Ж. де Лафонтен; басня; поэтика; сравнительное литературоведение; русско-французские литературные связи.

***Trakhtenberg L.A. Ivan Krylov and Jean de La Fontaine:
dynamics of reception***

Summary. The paper presents a comparative analysis of Ivan Krylov's fables and their source-texts by Jean de La Fontaine. The reception of La Fontaine's oeuvre by Krylov is viewed in two aspects: structural and historical. It is shown how Krylov transforms La Fontaine's plots and how Krylov's approach to La Fontaine's heritage changes with time. These changes are interpreted in connection with the establishment of Krylov's reputation as a fabulist in the context of Russian literary history.

Keywords: Ivan Krylov; Jean de La Fontaine; fable; poetics; comparative literature; Russian-French literary connections.

И.А. Крылов обращается к наследию Ж. де Лафонтена на всем протяжении творческого пути. По сообщению М.Е. Лобанова, уже в возрасте 14 лет Крылов переводит одну из басен Лафон-

тена (перевод не сохранился)¹. Литературная известность Крылова-баснописца начинается с подражаний Лафонтену. Это «Разборчивая Невеста», «Дуб и Трость», «Старик и трое Молодых» – первые басни Крылова, опубликованные в XIX в.: автор представляет их И.И. Дмитриеву², а затем они печатаются в январском и февральском номерах журнала «Московский зритель» за 1806 г. (Четыре басни Крылова публикуются еще в 1788 г. в журнале «Утренние часы»³, но они выходят без подписи, и об их принадлежности Крылову современники не знают.) Последние же басни Крылова, которые исследователи связывают с произведениями Лафонтена, – «Лев и Мышь» и «Два Мальчика», впервые опубликованные в журнале «Библиотека для чтения» соответственно в 1834 и 1836 гг., в конце творческого пути поэта⁴.

О значении Лафонтена для Крылова говорит В.А. Жуковский в рецензии на сборник «Басни Ивана Крылова», впоследствии переизданной под названием «О басне и баснях Крылова»⁵. Эта статья, где творчество русского баснописца оценено очень высоко, способствует становлению его литературной репутации. В рецензируемом сборнике большинство текстов восходят к Лафонтену. Поэтому Жуковский говорит прежде всего о мастерстве Крылова-переводчика, характеризуя его словами, которые в дальнейшем многократно применяют к творчеству самого Жуковского: «Переводчик *в прозе* есть раб, переводчик *в стихах* – соперник»⁶. И уже П.А. Плетнев в посвященном Крылову биографическом очерке, открывающем собрание сочинений поэта, изданное в 1847 г., обращает внимание читателя на то, что за годы, которые проходят после этой статьи Жуковского, творчество Крылова становится иным: большинство его басен оригинальны, переводы и подражания составляют лишь небольшую часть его наследия в этом жанре⁷.

Действительно, в обращении Крылова к творчеству Лафонтена можно проследить динамику. На протяжении трех десятилетий работы Крылова в жанре басни меняется не только доля переводов и подражаний в его творчестве, но и характер рецепции произведений французского поэта. Задача статьи – показать, как трансформируются сюжеты Лафонтена в интерпретации Крылова и как эволюционируют принципы этой трансформации.

В корпусе басен Крылова, состав которого определен последним прижизненным сборником, вышедшим в 1843 г., под-

ражания Лафонтену составляют около шестой части. Сборник включает 197 басен; из них с сюжетами басен Лафонтена с большей или меньшей степенью уверенности можно связать 33.

В большинстве случаев указания на связь басен с иностранными источниками дает сам Крылов. В оглавлениях прижизненных изданий басни, которые представляют собой «перевод или подражание»⁸, он обозначает астериском. В изданиях 1825 и 1830 гг. астериском отмечены 34 басни⁹. В издании 1843 г. функцию оглавления выполняет алфавитный указатель, в котором одна и та же басня, если ее название состоит более чем из одного знаменательного слова, может значиться дважды и даже трижды: например: «Виноград (Лисица и)*» и «Лисица и Виноград*», «Невеста (Разборчивая)*» и «Разборчивая Невеста*», «Госпожа и Две Служанки*», «Две Служанки (Госпожа и)*», «Служанки (Госпожа и Две)*»¹⁰. При этом одна и та же басня, как правило, отмечена астериском при всех упоминаниях, но иногда – только при одном (такой разноречивой, видимо, объясняется опечатками, нередкими в этом издании¹¹). Всего в издании 1843 г. таким образом выделены 33 текста – все те же, что и ранее, кроме басни «Муха и Дорожные»: в предшествующих изданиях она обозначена как подражание, но в последнем прижизненном сборнике это указание снято. Из этого числа 30 басен отмечены астериском под основными названиями. Еще в трех случаях астериск стоит только при вариантных названиях, с измененным порядком слов, а при основных – отсутствует: это басни «Откупщик и Сапожник», «Мальчик и Змея», «Дикие Козы» (первая восходит к Лафонтену, две другие – к Эзопу).

В числе 34 басен, указанных Крыловым как подражания, 28 – из Лафонтена (включая ряд текстов на античные, прежде всего эзоповские сюжеты) и шесть – непосредственно из Эзопа. Среди этих шести – басня «Лев и Лисица», имеющая сюжетный аналог у Лафонтена – «Верблюд и плавающие бревна» («Le Chameau et les Bâtons flottants»), – который, однако, намного дальше от греческого образца, чем версия Крылова¹².

Исследователи творчества Крылова расширяют круг басен, связанных с произведениями Лафонтена¹³. С баснями французского автора сопоставляют еще пять произведений Крылова (три из которых – на сюжеты античного происхождения). Однако, как

будет показано ниже, все они дальше от Лафонтена, чем те басни, которые Крылов признает подражаниями. Кроме того, басня «Оракул» находит отдаленное соответствие в произведении Лафонтена, относящемся к другому жанру, – сатирических стансах, посвященных К. Коллете¹⁴.

По периодам творчества Крылова подражания Лафонтену распределены неравномерно. 12 из них появляются в печати еще до первого авторского сборника – в 1806–1808 гг. Еще пять текстов впервые печатаются в 1809 г. в книге «Басни Ивана Крылова». Таким образом, на 1806–1809 гг. приходится более половины всех басен Крылова, восходящих к Лафонтену. Всего за 1800-е годы Крылов публикует 29 басен; таким образом, из произведений этого периода подражания Лафонтену также составляют более половины. Сборник 1809 г. включает 23 басни; подражаний Лафонтену среди них 15, т.е. две трети всех текстов.

В дальнейшем Крылов обращается к наследию Лафонтена заметно реже. Из 111 басен, опубликованных Крыловым в 1810-е годы, подражаний Лафонтену лишь восемь. На протяжении 1820-х годов Крылов публикует 29 басен, из которых к произведениям французского поэта восходят шесть. Из 28 басен Крылова, вышедших в 1830-е годы, с творчеством Лафонтена связаны всего две.

Различия в трактовке наследия Лафонтена между периодами творчества Крылова – не только количественные, но и качественные. Они проявляются и в форме басен, и в их смысле. Чтобы продемонстрировать их, требуется охарактеризовать формы рецепции иноязычных образцов, реализованные в баснях Крылова.

Некоторые басни Лафонтена Крылов довольно точно переводит на русский язык. Например, он передает последовательность образов в басне «Дуб и Трость» («*Le Chêne et le Roseau*» Лафонтена), структуру диалога в басне «Волк и Ягненок» («*Le Loup et l'Agneau*»), подробности событий и детали монолога в басне «Волк и Журавль» («*Le Loup et la Cigogne*»). Конечно, даже в тех случаях, где русская версия в основном близка к французскому оригиналу, между ними можно заметить некоторые отличия. Например, в басне «Волк и Ягненок» Крылов вводит тему суда («Но, делу дать хотя законный вид и толк») в завязке, тогда как у Лафонтена она оформляет финал¹⁵. Но иногда Крылов, напротив, кардинально перерабатывает заимствованный из французского источника сюжет.

Модели трансформации образов в баснях Крылова разнообразны. Эти модели различаются по масштабу изменений: от замены, устранения или добавления отдельных мотивов до полной структурной и семантической перестройки текста. Они действуют как в сюжетной части басни, так и в морали. В одних случаях трансформации образной и композиционной структуры не приводят к существенному изменению содержания, в других же смысл меняется, иногда радикально.

Трансформации сюжетной части выражаются в замене мотивов, образов действующих лиц, в сокращении или расширении текста.

Распространенный тип трансформаций – замена отдельных мотивов. Этот прием особенно заметен там, где мотивы культурно-специфичны. Например, если у Лафонтена в басне «Девушка» («*La Fille*») невеста отвергает одного из женихов из-за того, что ему недостает ума: «*L'un n'avoit en l'esprit nulle délicatesse*» (198), – то в «Разборчивой Невесте» Крылова причины иные: «Тот не в чинах, другой без орденов; / А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты» (14).

Довольно часто заменяются образы действующих лиц при сохранении сюжета и смысла произведения. Так, в басне «Мор Зверей», соответствующей «*Les Animaux malades de la peste*» Лафонтена, в роли жертвы выступает вол, тогда как у французского поэта – осел. Еще М.Е. Лобанов обращает внимание на то, что замена персонажа означает смысловой сдвиг, так как характеры персонажей разные: басенный осел глуп, а вол у Крылова просто-душен¹⁶. Кроме того, эта замена дает поэту возможность ввести звукоподражание в слова персонажа (оно отмечено критикой как пример художественного мастерства¹⁷): «В свой ряд смиренный Вол им так мычит: – “И мы / Грешны. Тому лет пять, когда зимой кормы / Нам были худы <...>”» (43). В басне «Лев на ловле» у Крылова льва сопровождают собака, волк и лиса, а у Лафонтена – корова, коза и овца («*La Génisse, la Chèvre, et la Brebis, en société avec le Lion*»). В басне «Муха и Пчела» заменен заглавный персонаж: пчела у Крылова соответствует муравью у Лафонтена («*La Mouche et la Fourmi*»).

Отчасти сходный пример представляет басня «Вороненок»: у Лафонтена в этом эзоповском сюжете – просто ворон («*Le*

Corbeau voulant imiter l'Aigle»). В тексте он характеризуется эпитетом *gaillard* (76) – ‘веселый, игривый’; получается, что неразумное поведение персонажа Лафонтен мотивирует характером, а Крылов – молодостью и недостатком опыта.

В некоторых случаях Крылов излагает сюжет короче, чем Лафонтен, а в других, наоборот, более пространно, дополняя басню новыми подробностями. Примером сокращения служит басня «Муха и Пчела». В басне Лафонтена «*La Mouche et la Fourmi*» почти нет слов от автора: текст состоит из двух монологов – мухи и муравья, причем последний заметно длиннее первого. У Крылова же монолог пчелы, напротив, существенно короче слов мухи.

Нередко Крылов, напротив, расширяет текст. Например, в басне «Откупщик и Сапожник» по сравнению с басней Лафонтена «*Le Savetier et le Financier*» добавлена детализированная характеристика богача-откупщика в экспозиции:

*Богатый Откупщик в хоромах пышных жил.
Ел сладко, вкусно пил;
По всякий день давал пирры, банкеты;
Сокровищ у него нет сметы.
В дому сластей и вин, чего ни пожелай:
Всего с избытком через край.
И, словом, кажется, в его хоромах рай.
Одним лишь Откупщик страдает,
Что он не досыпает (67).*

В оригинале этому фрагменту соответствуют всего три стиха с эффектным параллелизмом, но без подробностей:

*Son voisin, au contraire, étant tout cousu d'or,
Chantoit peu, dormoit moins encor:
C'étoit un homme de finance (226).*

Расширена по сравнению с басней Лафонтена «*Le Lion devenu vieux*» начальная часть в басне «Лев состаревшийся». А в басне «Пастух и Море» расширение вступительной характеристики пастуха носит концептуальный характер, выражая общественную позицию Крылова. Лафонтен в басне «*Le Berger et la Mer*» пишет:

*Du rapport d'un troupeau, dont il vivoit sans soins,
Se contenta long-temps un voisin d'Amphitrite:
Si sa fortune étoit petite,
Elle étoit sûre tout au moins (111).*

Крылов амплифицирует тему спокойствия и довольства малым:

*Пастух в Нептуновом соседстве близко жил:
На взморье, хижины уютной обитатель,
Он стада малого был мирный обладатель,
И век спокойно проводил.
Не знал он пышности, зато не знал и горя,
И долго участью своей
Довольней, может быть, он многих был царей (169).*

Особое значение имеют модификации морали. Она может перемещаться на другую позицию в тексте, сокращаться или расширяться; иногда детализация оригинала уступает место абстрактной формуле; в некоторых случаях, наконец, мораль как композиционный блок устраняется вовсе, так что читатель должен сам выводить нравоучение из сюжета.

Так, в басне Лафонтена «L'Ours et l'Amateur des jardins» она сформулирована в двух стихах и помещена в конце текста. Крылов в басне «Пустынник и Медведь», не меняя общего смысла, расширяет мораль до четырех стихов и перемещает ее в начало, причем афористическую формулировку Лафонтена: «Rien n'est si dangereux qu'un ignorant ami; / Mieux vaudroit un sage ennemi» (240) – превращает в еще более краткую: «Услужливый дурак опаснее врага» (109); максимы обоих баснописцев входят в национальный фразеологический фонд¹⁸.

В басне Лафонтена «Les deux Pigeons» мораль начинается обращением поэта к читателям и завершается обращением к себе – по существу, лирическим отступлением. Крылов в басне «Два Голубя» снимает заключительную часть морали, а вступительную дает в другой формулировке.

Иногда Крылов, не меняя общего смысла, устраняет детализацию оригинала и формулирует идею в общих словах. Например, басня Крылова «Лягушка и Вол», как и басня Лафонтена «La

Grenouille qui se veut faire aussi grosse que le Bœuf», направлена против людей, живущих не по средствам. Но если Лафонтен приводит три примера:

*Le monde est plein de gens qui ne sont pas plus sages:
Tout bourgeois veut bâtir comme les grands seigneurs.
Tout petit prince a des ambassadeurs,
Tout marquis veut avoir des pages* (35), –

то у Крылова мораль приобретает абстрактный характер:

*Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая, как знатный дворянин?* (13)

В басне Крылова «Петух и Жемчужное Зерно» сюжет, входящий к Эзопу, изложен столь же кратко, как у Лафонтена в басне «Le Coq et la Perle», но мораль другая, хотя и сходная по смыслу. Лафонтен в качестве морали излагает дополнительный сюжет – о невежде, унаследовавшем ценную рукопись, которой он предпочитает деньги. Крылов же придает морали форму дидактической максимы:

*Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк* (60).

Иногда Крылов устраняет мораль, предоставляя читателю сделать выводы самому. Так, басню «Le Renard et les Raisins» Лафонтен завершает моралью в один стих – риторическим вопросом; Крылов в басне «Лисица и Виноград» отказывается от морали вообще. Басню «La Poule aux œufs d'or» Лафонтен открывает абстрактной максимой, затем излагает сюжет и после него помещает мораль объемом в четыре стиха; можно сказать, что в произведении две морали – в начале и в конце. Крылов в басне «Скупой и Курица» поступает иначе: мораль помещена в начале, причем ее основу составляет перевод вступительной формулы Лафонтена, а дидактическое заключение оригинала устранено.

Во всех приведенных примерах изменения не затрагивают сюжетной основы текста и основной идеи. Однако в корпусе басен

Крылова есть ряд примеров радикальной переработки образца, его структурной перестройки, которая часто означает и переосмысление взятого за основу сюжета. Переработка может заключаться в перестановке крупных композиционных блоков; в устранении, добавлении или замене концептуально важных звеньев сюжетной цепи; в изменении адресации дидактической установки, основанной на изменении сюжета; наконец, в создании нового сюжета с новым смыслом на базе некоторых элементов прежнего.

Перестановка композиционных блоков происходит в баснях «Пустынник и Медведь» и «Откупщик и Сапожник». В обоих случаях она затрагивает экспозицию.

В басне «Откупщик и Сапожник», как и в басне Лафонтена «Le Savetier et le Financier», экспозиция состоит из двух крупных частей, в которых даются характеристики двух персонажей – богача и бедняка. По сравнению с французским образцом порядок этих частей в басне Крылова меняется, что отражается и в названии. Лафонтен сначала рассказывает о сапожнике, потом – о богаче; Крылов – наоборот.

В более ранней басне Крылова – «Пустынник и Медведь» – экспозиционная часть больше, чем в басне «Откупщик и Сапожник». Крылов излагает ее другими словами, нежели Лафонтен в басне «L'Ours et l'Amateur des jardins», и притом меняет характеристику персонажа-человека: у французского баснописца это не пустынник, а старик-садовод.

Принципиальные изменения сюжета происходят в баснях «Лев и Комар», «Муха и Пчела», «Лев и Мышь». В первом случае сюжет сокращается, во втором – дополняется, в третьем происходит инверсия как исходной ситуации, так и дальнейшего развития действия.

Основой басни Крылова «Лев и Комар» служит басня Лафонтена «Le Lion et le Moucheron». Крылов устраняет заключительное звено исходного сюжета, и это принципиально меняет смысл текста. У Лафонтена, как и у Эзопа в басне «Комар и лев» («Κῶνωψ καὶ λέων») ¹⁹, комар побеждает льва, но затем попадает в сети к пауку. Существенно, что если у Эзопа комар бросает вызов льву и нападает на него, поэтому финал воспринимается как заслуженное наказание, то басня Лафонтена открывается словами льва, который оскорбляет комара. Сохраняя мысль Эзопа: «Басня

обращена против того, кто побеждал великих, а побежден ничтожным»²⁰, – Лафонтен дополняет ее еще одной, обращенной к другому персонажу: иногда того, кто меньше всех, надо больше всего бояться. Мораль в его басне такова:

*Quelle chose par-là nous peut être enseignée?
J'en vois deux, dont l'une est qu'entre nos ennemis
Les plus à craindre sont souvent les plus petits;
L'autre, qu'aux grands périls tel a pu se soustraire,
Qui périt pour la moindre affaire (68).*

Крылов же завершает басню победой комара; эпизод гибели комара исключается. Из двух элементов морали Лафонтена Крылов сохраняет лишь первый – тот, которого не было у Эзопа, но расширяет его, излагая с другой точки зрения: выражая сочувствие к слабому, а не страх перед ним; нравственный смысл в итоге не тот, что у Лафонтена и тем более у Эзопа. Мораль Крылов помещает не в конце басни, как у Эзопа и у Лафонтена, а в начале:

*Бессильному не смейся,
И слабого обидеть не можешь!
Мстят сильно иногда бессильные враги:
Так слишком на свою ты силу не надейся! (78)*

Во всех трех версиях басня направлена против гордыни. Но если Эзоп осуждает гордыню слабого, а Лафонтен – также и гордыню сильного, то Крылов обращается лишь к сильному, порицая его самонадеянность; слабый остается победителем.

В басне Крылова «Муха и Пчела» сюжет Лафонтена (в свою очередь, восходящий к Федру), напротив, получает продолжение. У Лафонтена в басне «Муха и муравей» («La Mouche et la Fourmi») муха хвастается тем, что ведет роскошную жизнь, часто бывая во дворце; муравей отвечает, что ее там не рады видеть. Ее безделью он противопоставляет свой образ жизни – труд. Басня завершается его монологом, составляющим больше половины объема текста. Однако Крылов отбрасывает апологию труда, которой завершается басня Лафонтена. Монолог пчелы, соответствующей муравью у Лафонтена, он обрывает на словах о том, что муху отовсюду

гоняют, и противопоставляет этим словам заключительную реплику мухи:

– «Вот», Муха говорит: «гоняют! Что ж такое?
Коль выгонят в окно, так я влечу в другое» (195).

В этой басне Крылова, как и у Лафонтена, нет морали. Но смысл ясен из диалога персонажей, и он меняется по сравнению с французским образцом. В образе мухи Лафонтен выражает два недостатка: лень и бесстыдство – и сосредоточивает внимание главным образом на первом; Крылов же переносит акцент на второй. Конечно, у Крылова правда на стороне пчелы, как у Лафонтена – на стороне муравья. Но, оставляя за мухой последнее слово, Крылов указывает на то, что наглость берет верх над честностью. Этот пессимистический финал означает сдвиг в сторону иной, также традиционной, модели сатиры: если Лафонтен утверждает добродетель, то Крылов сожалеет о настойчивости порока.

В басне Крылова «Лев и мышь» сюжет развивается в противоположном направлении, нежели у французского баснописца. Лафонтен в басне «Лев и крыса» («Le Lion et le Rat») вслед за Эзопом²¹ рассказывает, как лев ловит крысу, но она просит пощады, и он отпускает ее; потом лев попадает в сети, но крыса перегрызает веревки и спасает его. У Крылова же все иначе: мышь просит у льва позволения поселиться рядом с ним, но он отказывает и прогоняет ее; когда лев попадает в сети, он пытается вырваться, но тщетно, и лишь тогда вспоминает, что мышь могла бы ему помочь.

Меняется и мораль. У Лафонтена в этой басне две морали, обращенные к образам двух персонажей: первая, в начале, – о том, что надо помогать всем, так как даже у слабейшего, быть может, придется просить помощи (та же мораль у Эзопа); вторая, в конце, – о том, что терпение и время способны сделать больше, чем сила и ярость (в древнегреческой басне этой идеи нет). Крылов устраняет вторую мораль, а первую, поместив в конце басни, модифицирует, выражая ее с помощью русской пословицы: «Не попусту в народе говорится: / Не плюй в колодезь, пригодится / Воды напиться» (250). И благодаря этой морали, а также новой завязке смысл ока-

зывается иным. Если Эзоп и Лафонтен в этой басне призывают делать добро, то Крылов учит не делать зла.

Примерами переадресовки дидактической интенции служат басни «Котел и Горшок» и «Лисица и Осел». В обоих случаях Крылов, модифицируя сюжет источника, перемещает фокус внимания от одного персонажа к другому.

В басне «Котел и Горшок», основой которой служит басня Лафонтена «Глиняный горшок и железный горшок» («Le Pot de terre et le Pot de fer», на античный сюжет²²), Крылов реализует иную нарративную технику, нежели в источнике. В басне Лафонтена важную роль играет диалог. Крылов в данном случае отказывается от прямой речи: рассказ на всем протяжении текста ведется в третьем лице. Но главное – то, что Крылов модифицирует сюжет, тем самым меняя смысл.

У Лафонтена железный горшок зовет глиняный путешествовать. Тот отказывается, боясь разбиться. Но железный горшок уговаривает его, обещая закрыть его от ударов и тем самым уберечь от опасности. Однако когда они отправляются в путь, то начинают сталкиваться, и вскоре глиняный горшок разбивается.

Крылов вводит развернутое вступление, отсутствующее у французского автора. У Крылова сюжет начинается с того, что горшок заводит дружбу с котлом. Когда котел зовет горшок в путь, тот не боится. По дороге они ударяются друг о друга, однако горшок по-прежнему бесстрашен и лишь гордится знакомством с котлом; в итоге он, как и у Лафонтена, рассыпается на куски.

Мораль внешне сходна: у Лафонтена – «Ne nous associons qu'avecque nos égaux» (144), у Крылова – «равенство в любви и дружбе вещь святая» (198). Но благодаря сюжетным различиям подтекст у этого совета оказывается разным. Изображая конфликт людей высокого и низкого общественного положения, Лафонтен выдвигает на первый план первых, которых обвиняет в безответственности, а Крылов – вторых, которых призывает к осторожности.

В басне «Лисица и Осел» Крылов развивает восходящий к Федру сюжет о льве, который, обессилев от старости, вынужден терпеть оскорбления даже от осла. Басня Лафонтена на этот сюжет – «Состарившийся лев» («Le Lion devenu vieux»). Кроме «Лисицы и Осла», Крылов пишет на этот сюжет басню «Лев состаревшийся». Судя по сохранившимся рукописям, над этими баснями Крылов

работает одновременно: их черновики находятся на одном и том же листе²³. Впервые они опубликованы в одном и том же издании – альманахе «Северные цветы» за 1825 г.²⁴ В сборниках басен 1825 и 1830 гг. Крылов даже печатает эти тексты подряд²⁵, тем самым предлагая читателю их сопоставить. В изданиях 1834 (двухтомном), 1840 и 1843 гг., однако, Крылов их разделяет²⁶.

Басня «Лев состаревшийся» близка к образу Лафонтена. В басне же «Лисица и Осел» тот же по существу сюжет изложен с другой точки зрения – не льва, а осла. Если в басне «Лев состаревшийся» преобладает повествование в третьем лице, а завершается текст словами от лица Льва, замещающими мораль, то в басне «Лисица и Осел», напротив, лишь мораль дается от автора; сюжетная часть представлена диалогом заглавных персонажей, где лисица задает вопросы, а осел ведет рассказ. Как отмечает В.Ф. Кеневич, подобная форма для Крылова нехарактерна²⁷. Изображая осла «изнутри» – с помощью прямой речи, Крылов в этой версии сюжета сосредоточивает внимание на его фигуре. В басне «Лев состаревшийся» поэт передает чувства того, кто становится жертвой подлости; в басне «Лисица и Осел» – прежде всего обличает подлеца.

В некоторых баснях, наконец, происходит коренная перестройка сюжета. Возможны два случая. В одном случае сохраняется ядро сюжета, но меняются и приемы его разработки, и смысл; в другом от исходного сюжета остаются лишь отдельные элементы, которые выступают в новой комбинации, с присоединением иных, в источнике отсутствующих.

Образец перестройки традиционного сюжета представляет собой басня «Ворона». В ней Крылов излагает восходящий к Эзопу сюжет о птице, украсившей себя чужими перьями, намного более пространно, чем Лафонтен в басне «Сойка, украшенная перьями Павлина» («Le Geai paré des plumes du Paon»)²⁸. В данном случае различия столь значительны, что едва ли стоит говорить именно о созданной Лафонтеном версии сюжета как об основном источнике произведения Крылова. Объем басни Лафонтена составляет 14 стихов; в басне Крылова – 35 стихов. Крылов, в отличие от Лафонтена, дает большой внутренний монолог персонажа. Мораль у Лафонтена помещена в конце басни, а у Крылова – в начале, в завершающей же части следует сопоставимый по функции

с моралью дополнительный сюжет о купеческой дочери, которая выходит замуж за дворянина. Смысл морали у русского и французского поэтов принципиально разный: басня Лафонтена направлена против плагиаторов, басня Крылова – против тех, кто стремится к более высокому социальному положению.

Значительные различия и в объеме, и в трактовке сюжета есть также между басней Крылова «Волк и Пастухи» и басней Лафонтена «*Le Loup et les Bergers*». Басня Крылова намного короче: в ней всего восемь стихов, тогда как у Лафонтена – 41. Сюжет у Крылова проще, чем у Лафонтена. У французского баснописца действие состоит из двух звеньев: сначала волк раскаивается в своей жестокости и хочет перестать есть мясо, но потом отказывается от этого решения, увидев, как пастухи едят ягненка. В каждой из двух частей волк произносит монолог. В басне Крылова – лишь один эпизод. Волк видит, что пастухи потрошат барана, и говорит: «Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья, / Когда бы это сделал я!» (155). Басня Лафонтена заканчивается моралью; у Крылова морали нет.

Сюжет о волке и пастухах античного происхождения: Плутарх в «Пире семи мудрецов» излагает его как эзоповский, но в основной сборник басен Эзопа он не входит²⁹. Античный образец краток, и басня Крылова ближе к нему, чем к версии Лафонтена. Поэтому, скорее всего, следует думать, что Крылов обрабатывает именно древнегреческий источник, а не французский³⁰.

Примером создания нового сюжета на базе отдельных элементов прежнего служит басня «Котенок и Скворец». Ж. Флери отмечает ее сходство с басней Лафонтена «Кошка и два воробья» («*Le Chat et les deux Moineaux*»)³¹. В.Ф. Кеневич справедливо возражает, что это сходство лишь отдаленное³².

Сюжет басни Лафонтена следующий. Кошка и воробей с детства живут рядом и дружат; воробей живет в своей клетке, кошка играет с ним, не причиняя ему вреда. Но прилетает второй воробей и ссорится с первым. Кошка вмешивается и съедает воробья-чужака. Узнав, что воробьи вкусны, она съедает и другого.

В басне Крылова тоже три персонажа: скворец, щегленок и котенок. Скворец дружит с котенком. Котенок голоден; скворец советует ему съесть щегленка. Котенок колеблется, и скворец уговаривает его:

*«Но совесть...» – «Как ты мало знаешь свет!
Поверь, что это суций бред,
И слабых душ одни лишь предрассудки,
А для больших умов – пустые только шутки!
На свете кто силен,
Тот делать все волен <...>» (208).*

Котенок, послушавшись совета, съедает щегленка, но по-прежнему голоден. Тогда, обратившись к скворцу с саркастической благодарностью: «Спасибо, милый кум! / Наставил ты меня на ум» (208), – котенок съедает его.

Между двумя баснями несколько общих сюжетных элементов. В каждой из них три персонажа: две птицы и кошка, которая вначале как будто дружит с одной из птиц; затем, однако, кошка съедает сначала вторую птицу, а потом и первую – своего мнимого друга. Из трех персонажей два – заглавные и центральные; они вводятся в действие с самого начала, третий – позже. Однако при сходстве расстановки персонажей и финала различны ход событий, система психологических мотивировок и, соответственно, дидактический смысл.

У Лафонтена воробья до поры спасает лишь неведение кошки; стоит кошке узнать вкус этой птицы, и природа хищника заставляет ее забыть о мнимой дружбе. Роль жертвы в этом сюжете исключительно пассивная; вина возлагается на хищника. Басня предостерегает: сколько бы злодей ни притворялся добрым, ему не следует верить, пусть даже он сам убежден в своей искренности.

У Крылова в образе котенка сильнее антропоморфное начало, чем у Лафонтена. Помимо способности к дружбе он наделен еще одной человеческой чертой – совестью. Именно она мешает ему делать зло, но он забывает о ней, следуя совету скворца. Роль скворца – активная: он искушает своего товарища, однако сам становится жертвой собственного цинизма. Виновны оба. Басня выражает мысль о вреде аморальных учений: скворец, рассуждая, «философию всю вычерпал до дна» (208) – и в то же время мысль о том, что безнравственность не остается безнаказанной и, более того, включает в себе причину своего наказания.

Еще один пример нового сюжета на основе элементов прежнего – «Два Мальчика», одна из последних басен Крылова.

Ж. Флери сближает ее с басней Лафонтена «Обезьяна и кошка» («Le Singe et le Chat») ³³; Кеневич высказывает сомнения в значимости совпадений ³⁴. Действительно, различия несомненны, начиная с того, что в названной басне Лафонтена действуют животные, а у Крылова – люди; в то же время есть и сходство.

У Лафонтена обезьяна и кошка, уже привыкшие к воровству, видят каштаны, которые жарятся в камине, и решают ими полакомиться. Обезьяна уговаривает кошку достать каштаны, прельщая ее тем, что это трудное дело, и объясняя, что сама она по своей природе к нему неспособна. Кошка таскает каштаны из огня, обезьяна ест, и так продолжается до тех пор, пока их не застает служанка; кошка остается голодной. Мораль басни политическая: она адресована князьям (*princes*), которые разоряют провинции, доставляя доход королю.

У Крылова мальчик Федя уговаривает товарища – Сеню идти рвать каштаны в саду. Тот недоумевает, как достать их с высокого дерева; Федя объясняет, что Сеня должен посадить его на ветку, и тогда каштанов хватит обоим. Сеня с трудом помогает Феде залезть на ветку. Тот, сидя на дереве ест, а Сене достается лишь скорлупа от каштанов. Мораль Крылов формулирует иносказательно, применяя сюжет не к политике, а, очевидно, к службе, где один, воспользовавшись помощью другого, забывает о благодарности:

*Видал Федюш на свете я, –
Которым их друзья
Вскарabкаться наверх усердно помогал,
А после уж от них – скорлупки не видали! (248)*

Если несмотря на некоторое внешнее сходство басни «Le Chat et les deux Moineaux» и «Котенок и скворец» принципиально различаются по смыслу, то басни «Le Singe et le Chat» и «Два Мальчика» представляют другой случай. Хотя различны и персонажи, и подробности действия, и даже мораль, басни тем не менее сходны не только по сюжетной основе, но и по идее. В обеих баснях представлен конфликт людей, один из которых пользуется помощью другого и забывает о благодарности. Эту общую психоло-

гическую ситуацию Лафонтен трактует в политическом плане, а Крылов – в бытовом.

Есть, впрочем, и немаловажное идейное различие; заключается оно в психологической мотивировке происходящего. У Лафонтена обезьяна играет на честолюбии кошки, как король – на честолюбии князя. У Крылова этого мотива нет: обманутый не честолюбив, а лишь простодушен и доверчив, обманщик не проныцателен, а нагл; ему нет нужды знать чужие слабости – достаточно лишь не сдержать своего слова.

Таким образом, рецепция сюжетов Лафонтена в баснях Крылова реализует разнообразные модели: изменения происходят как на структурном, так и на смысловом уровне, в масштабе отдельных мотивов, композиционных блоков, образов персонажей, наконец, текстов в целом. В результате одни басни легко опознаются как переводы французских образцов или близкие подражания им, тогда как в других трудно заметить влияние зарубежного источника или же трудно определить, какой именно источник – например, французский или древнегреческий – оказывает на них большее влияние. Иными словами, басни, соотносимые с зарубежными образцами, дифференцируются по мере близости к этим образцам.

Эта дифференциация имеет и историческое измерение: тексты, в большей и в меньшей мере связанные с произведениями Лафонтена, на протяжении творческого пути Крылова-баснописца распределены неравномерно. В 1800–1810-х годах преобладают басни, относительно близкие к французским оригиналам. Басни, в которых французский источник подвергается принципиальной переработке, Крылов в это время тоже пишет: басня «Пустынник и Медведь» впервые опубликована в 1808 г., «Лев и Комар» – в 1809, «Волк и Пастухи» – в 1816. Однако они составляют меньшинство на общем фоне, который определяют такие произведения, как «Разборчивая Невеста», «Дуб и Трость», «Лягушка и Вол», «Лисица и Виноград», «Волк и Журавль», «Пастух и Море», передающие французский оригинал относительно точно: изменения не затрагивают ни структурной, ни содержательной основы текста. Характерно, что из опубликованных за этот период 25 басен, восходящих к Лафонтену, нет ни одной, которую бы Крылов не обозначил как перевод или подражание.

Напротив, среди тех восьми басен Крылова, имеющих соответствия у Лафонтена, которые выходят в 1820–1830-х годах, не отмечены в качестве подражаний пять: «Муха и Пчела», «Ворона», «Котенок и Скворец», «Лев и Мышь», «Два Мальчика». Как видно из сказанного, такое решение Крылова отражает их характер: все они действительно существенно дальше от басен Лафонтена, нежели подражания в собственном смысле слова. Но и из тех трех басен этого периода, которые Крылов считает подражаниями, существенные изменения по сравнению с образцами произведены в двух: это «Котел и Горшок» и «Лисица и Осел». Остается лишь одна басня, относительно точно передающая оригинал, – «Лев состаревшийся». Однако ее положение особое, поскольку Крылов создает ее одновременно с другим вариантом того же сюжета.

Получается, что басенное творчество Крылова в XIX в. можно разделить на два периода, сопоставимых по продолжительности, но заметно различающихся и по количеству созданных за это время басен на сюжеты Лафонтена, и по характеру рецепции этих сюжетов. В 1800–1810-х годах Крылов публикует много басен, восходящих к Лафонтену, и в основном это относительно близкие к оригиналам подражания. В 1820–1830-х годах басен, ориентированных на творчество французского поэта, у Крылова мало, и почти все они представляют собой опыты принципиальной переработки своих источников.

Чем объяснить эти изменения? Представляется, что смена творческой стратегии Крылова может быть связана с динамикой его литературной репутации³⁵.

Литературный успех Крылова как автора басен оказывается быстрым и прочным. Слава приходит к нему поздно – в сорокалетнем возрасте. Хотя литературным трудом он занимается с 1780-х годов, издает несколько журналов (один из которых, и очень интересный, – «Почту духов» – единолично) и пишет несколько пьес, все это не приносит ему широкой известности и успеха. Зато уже первый сборник басен критика приветствует как исключительное литературное достижение, а спустя десятилетие о Крылове пишут как о знаменитом поэте – классике русской литературы³⁶.

Литературную славу Крылов завоевывает в значительной мере благодаря подражаниям Лафонтену. Чтобы понять, в чем

смысл обращения к опыту французского классика, стоит принять во внимание еще один факт: из тех 28 басен, находящихся соответствия в баснях Лафонтена, которые сам Крылов определяет как переводы и подражания, 27 известны до Крылова хотя бы в одной русской версии³⁷. Для некоторых сюжетов, таких как «Лев на ловле», «Волк и Журавль», «Лев состаревшийся», число русских переводов и подражаний, предшествующих Крылову, достигает пяти и даже более. А та единственная басня из 28, сюжет которой Крылов вводит в русскую литературу впервые, – это «Волк и Пастухи»: как показано выше, это произведение хотя и обладает сюжетным сходством с басней Лафонтена «Le Loup et les Bergers», но восходит, по-видимому, не к ней, а непосредственно к древнегреческому образу.

Крылов едва ли случайно выбирает сюжеты, уже знакомые отечественной литературе. Создавая их новые версии, он тем самым вступает в двойное соревнование: с французскими образцами и с русскими предшественниками.

На протяжении XVIII в. развитие русской литературы определяет принцип соревнования с образцами³⁸. Он не составляет исключительной принадлежности русской культуры: идея литературного творчества как состязания с предшественниками знакома всей Европе. В эстетическом сознании эпохи эталоном художественного совершенства считается античная литература. Задача поэтов Нового времени – приблизиться к этому образцу, а может быть, даже превзойти его: о том, может ли современная словесность стать выше античной или же та всегда остается непревзойденным идеалом, на рубеже XVII–XVIII вв. во Франции ведется знаменитый в истории литературы «спор о древних и новых»³⁹. В этой эстетической системе статус подражания намного выше, чем принято считать сегодня. Обращаясь к творчеству авторитетного предшественника, новый автор бросает ему вызов, стремясь доказать, что способен стать достойным своего образца. Цитированные выше слова Жуковского о переводе в стихах – отражение этой унаследованной от XVIII столетия системы литературных взглядов.

Слова Жуковского свидетельствуют о том, что взгляд на литературу как на соперничество в начале XIX в. по-прежнему актуален. Тем более естествен он для Крылова, чьи литературные

взгляды сформированы в XVIII в. Но после сборника 1809 г. творчество Крылова продолжается еще почти три десятилетия, и за это время обстановка успевает измениться.

В русской литературе распространяется романтизм. Новая литературная эпоха не ценит подражаний; напротив, считая любую зависимость от предшественников вредной, она требует от авторов оригинальности. Кроме того, одной из важнейших ценностей в литературе становится национальная самобытность. И Крылова воспринимают как поэта, выразившего ее в высочайшей степени. Критика 1820-х годов пишет о нем как о поэте национальном, воплотившем в своем творчестве дух народа⁴⁰. Раз установившись, литературная репутация Крылова уже не подвергается сомнению; однако она наполняется новым культурным смыслом.

Отказ Крылова от следования Лафонтену, таким образом, можно объяснить двумя взаимосвязанными причинами. Во-первых, к началу 1820-х годов литературная репутация русского баснописца уже утверждена. Во-вторых, в новую литературную эпоху утверждать и поддерживать эту репутацию необходимо иными средствами. Близкое следование иностранному образцу, адекватность его передачи требуют литературного мастерства, и прежде это мастерство высоко ценилось. Но теперь читатели ждут от поэта другого – и Крылов отвечает их ожиданиям. Уже в 1810-х годах доля басен на сюжеты Лафонтена в творчестве Крылова сокращается. А с 1820-х годов меняется подход русского баснописца к интерпретации сюжетов Лафонтена. Теперь если Крылов и обращается к классическим французским образцам, то прежде всего затем, чтобы радикально их переосмыслить.

Из сказанного видно, что рецепция наследия Лафонтена в творчестве Крылова принимает различные в структурном и содержательном отношении формы и их соотношение меняется со временем. Диапазон этих форм – от близкой к оригиналу передачи текста до кардинальной переработки и создания нового сюжета на базе восходящих к образцу мотивов. Нередко в традиционный сюжет Крылов вкладывает новый смысл. Поначалу, в 1800-х годах, Крылов создает много басен на сюжеты Лафонтена, при этом в большинстве случаев сохраняет композиционную и смысловую основу источника. В дальнейшем Крылов реже обращается к творчеству французского поэта. В 1820–1830-х годах Крылов

рассматривает сюжеты Лафонтена как материал для коренной переработки и переосмысления. Переход к новой модели рецепции классических французских образцов можно объяснить утверждением литературной репутации Крылова, но главное – изменением литературного контекста, где идея соревнования с предшественниками уступает место требованию новизны. Творчество Крылова приходится на момент смены эпох в истории русской литературы и меняется вместе с нею.

-
- ¹ Лобанов М.Е. Жизнь и сочинения И.А. Крылова // Сын Отечества. 1847. № 1. С. 4.
 - ² Вацуро В.Э. И.И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 162 сл.
 - ³ Витберг А.Ф. Первые басни И.А. Крылова // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1900. Т. V. Кн. 1. С. 204–259.
 - ⁴ Fleury J. Krylov et ses fables. Paris, 1869. (Études sur les auteurs russes). P. 136; Кеневич В.Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд., с приложением материалов для биографии И.А. Крылова. СПб., 1878. С. 248–251, 255; Могилянский А.П. Комментарии // Крылов И.А. Басни / Изд. подг. А.П. Могилянский; отв. ред. Ф.Я. Прийма. М.; Л., 1956. (Лит. памятники). С. 546, 550.
 - ⁵ Канунова Ф.З. <Примечания к статье «О басне и баснях Крылова»> // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 12. Эстетика и критика / Ред. А.С. Янушкевич, О.Б. Лебедева. М., 2012. С. 473.
 - ⁶ Ж. [Жуковский В.А.] Басни Ивана Крылова // Вестник Европы. 1809. Ч. 45. № 9. С. 51.
 - ⁷ Плетнев П.А. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова // Крылов И.А. Полное собрание сочинений, с биографией его, написанною П.А. Плетневым: [В 2 т.]. Т. I. Проза. СПб., 1847. С. L.
 - ⁸ Крылов И.А. Басни в девяти книгах. СПб., 1843. С. I.
 - ⁹ Крылов И.А. Басни в семи книгах. СПб., 1825. С. 297–302; Он же. Басни в восьми книгах. СПб., 1830. С. 351–358.
 - ¹⁰ Крылов И.А. Басни в девяти книгах. СПб., 1843. С. I–VIII.
 - ¹¹ Могилянский А.П. Комментарии. С. 296.
 - ¹² Кеневич В.Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд. С. 187.
 - ¹³ Кеневич В.Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. СПб., 1868; Fleury J. Krylov et ses fables. P. 121–140; Кеневич В.Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд.

- (учтены и в ряде случаев оспорены указания Ж. Флери); *Могилянский А.П.* Комментарии. С. 309–561.
- ¹⁴ *Fleury J.* Krylov et ses fables. P. 136–137. Стихотворение Лафонтена см.: *De La Fontaine J.* Œuvres complètes, avec des notes et une nouvelle notice sur la vie, par C.A. Walckenaër. Paris, 1840. P. 578. См. также: *Lachèvre F.* Claudine Colletet après la mort de Guillaume Colletet. Son second mariage. Son œuvre poétique // *Revue d'Histoire littéraire de la France*. 27e année. 1920. No. 3. P. 427–433.
- ¹⁵ *Крылов И.А.* Басни / Изд. подг. А.П. Могилянский; отв. ред. Ф.Я. Прийма. М.; Л., 1956. (Лит. памятники). С. 23; *La Fontaine J.* Fables, collationnées et accompagnées de notes par C.A. Walckenaër. À Paris, 1836. (Bibliothèque d'auteurs classiques). P. 43. Далее басни Крылова и Лафонтена цитируются по этим изданиям; ссылки даются в тексте с указанием страниц.
- ¹⁶ *Лобанов М.Е.* Жизнь и сочинения И.А. Крылова. С. 51.
- ¹⁷ *Измайлов А.Е.* Разбор басен г. Крылова // *Сын Отечества*. 1816. Ч. 27. № 2. С. 69.
- ¹⁸ *Dictionnaire des proverbes français*; par P. de La Mésangère. 3me éd. À Paris, 1823. P. 44; *Dictionnaire de la sagesse populaire: recueil moral d'apophthegmes, axiomes, aphorismes, maximes, préceptes, sentences, adages, proverbes...* de tous les temps et de tous les pays; formé et commenté par A. de Chesnel. Paris, 1855. Col. 411; *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. 4-е изд., доп. М., 1988. С. 356.
- ¹⁹ *Aesopi fabulae* / Recensuit Aemilius Chambry. Pars altera. Paris, 1926. (Nouvelle collection de textes et documents publiée sous le patronage de l'Association Guillaume Budé). P. 315.
- ²⁰ Басни Эзопа / Пер., ст. и коммент. М.Л. Гаспарова; отв. ред. Ф.А. Петровский. М., 1968. (Лит. памятники). С. 137.
- ²¹ *Aesopi fabulae*. P. 344–345; Басни Эзопа. С. 107.
- ²² Этот сюжет известен по прозаическому пересказу басни Бабрия, стихотворный оригинал которой до нас не дошел. Такие пересказы включались в издания басен Эзопа; выделить их из эзоповского корпуса было невозможно, поскольку басни Бабрия были открыты лишь в 1840 г. (см.: *Гаспаров М.Л.* Примечания // Басни Эзопа. С. 297). Соответственно, в эпоху Лафонтена и Крылова сюжет считался эзоповским.
- ²³ *Кеневич В.Ф.* Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд. С. 211.
- ²⁴ Северные цветы, на 1825 год, собранные бароном Дельвигом. СПб. С. 290–291, 321–322.
- ²⁵ *Крылов И.А.* Басни в семи книгах. СПб., 1825. С. 265–267; *Крылов И.А.* Басни в восьми книгах. СПб., 1830. С. 281–283.
- ²⁶ См.: *Крылов И.А.* Басни в девяти книгах. СПб., 1843. С. 245–246, 277–278; *Могилянский А.П.* Комментарии. С. 311–313.
- ²⁷ *Кеневич В.Ф.* Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд. С. 212.

- ²⁸ См. статью: *Кимягарова Р.С.* Ни пава ни ворона. Анализ басни И.А. Крылова «Ворона» в наст. изд.
- ²⁹ Басни Эзопа. С. 178.
- ³⁰ См.: *Коплан Б.И.* Комментарии. К первому тому // *Крылов И.А.* Полное собрание стихотворений: в 2 т. Т. 2. Л., 1937. (Библиотека поэта. Большая серия). С. 304; *Могиланский А.П.* Комментарии. С. 430.
- ³¹ *Fleury J.* Krylov et ses fables. P. 128.
- ³² *Кеневич В.Ф.* Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд. С. 228.
- ³³ *Fleury J.* Krylov et ses fables. P. 136.
- ³⁴ *Кеневич В.Ф.* Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд. С. 255.
- ³⁵ *Лямина Е.Э., Самовер Н.В.* Беспечен, как Лафонтен: заработки, доходы и жизненные стратегии И.А. Крылова // Семиотика поведения и литературные стратегии: Лотмановские чтения – XXII. М., 2017. С. 64–128.
- ³⁶ Современная русская библиография. 1815: Басни Ивана Крылова. В трех частях // Сын Отечества. 1816. Ч. 27. № 2. С. 81; О книгах. Басни И.А. Крылова, в 6 частях // Санкт-Петербургские ведомости. 1819. 28 марта. № 25. С. 277–278; *Бестужев А.А.* Взгляд на старую и новую словесность в России // Декабристы: эстетика и критика / Сост., вступ. ст. и коммент. Р.Г. Назарьяна и Л.Г. Фризмана. М., 1991. (История эстетики в памятниках и документах). С. 92 (статья опубликована в альманахе «Полярная звезда» за 1823 г.).
- ³⁷ *Кеневич В.Ф.* Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд.; *Могиланский А.П.* Комментарии. С. 309–561.
- ³⁸ *Гуковский Г.А.* К вопросу о русском классицизме // Поэтика: сб. ст. Вып. 4. Л., 1928. С. 126–148; *Песков А.М.* Буало в русской литературе XVIII – первой трети XIX в. М., 1989. С. 7.
- ³⁹ См.: Спор о древних и новых / Сост., вступ. ст. В.Я. Бахмутского; Комментар. В.Я. Бахмутского и Н.В. Наумова; Пер. с фр. Н.В. Наумова. М., 1985. (История эстетики в памятниках и документах).
- ⁴⁰ *Ф. Б. [Булгарин Ф.В.]* Волшебный фонарь, или Разные известия. I. Литература. Критика. – Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева, издание шестое, исправленное и уменьшенное // Литературные листки, журнал нравов и словесности. 1824. Ч. I. № 2. С. 62–63 (автор установлен: Ф. Б. // ЭНИ «Словарь псевдонимов» – Псевдонимы. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/masanov/map/15/map29089.htm>, свободный); *Д. Р. К. [Греч Н.И.]* Письма на Кавказ. 2 // Сын Отечества. 1825. Ч. 99. № 3. С. 313 (автор установлен: Д. Р. К. // ЭНИ «Словарь псевдонимов» – Псевдонимы. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/masanov/map/05/map09450.htm>, свободный.)